

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ ЛІТАРАТУРЫ Ё СУСВЕТНЫМ КАНТЭКСЦЕ

Авдейчик Л. Л. (Минск)

МЕТАФИЗИКА В. С. СОЛОВЬЕВА И БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Широкое воздействие метафизики и поэзии В.С. Соловьева на русскую культуру не вызывает сомнений: идеи Соловьева были заимствованы и развиты в первую очередь поэтами-символистами К.Д. Бальмонтом, А. Белым, А.А. Блоком, Вяч.И. Ивановым. Однако вопрос о соловьевском влиянии на другие славянские литературы, в том числе на белорусскую, до сих пор не поднимался литературоведами. Тем не менее, исследования в данном направлении могут стать значительным вкладом в современную компаративистику. И потому в данной работе будет рассмотрено творчество некоторых белорусских поэтов XX века в свете впервые выявленного в их лирике соловьевского влияния.

Религиозно-мистическая поэзия католического священника Казимира Свояка (Кастуся Степовича, 1890 – 1926), популярная в западно-белорусской культурной среде своего времени и преданная забвению в советский период, на сегодняшний день представляет интересный материал для исследований. В своеобразной лирике Свояка воплотилась его целостная мировоззренческая парадигма, сложившаяся под влиянием многих религиозно-философских концепций начала XX века, среди которых не последнее место занимали и идеи Соловьева, о знакомстве с творчеством которого Свояк даже упоминает на страницах своих дневниковых записей [4, с.8]. Литературовед Микулич М.У. в своей работе «Поэзия Казимира Свояка», не отмечая явного соловьевского влияния, тем не менее, раскрывает специфику идейных установок белорусского поэта как раз через ключевые философемы Соловьева: «*К. Сваяк сцвярджаў духоўную сутнасць быцця як аснову дабра, ісціны і красы ў Сусвеце, гэтак званае “станоўчае ўсеадзінства”, якое ўтвараецца арганічнай паяднанасцю і ўзаемапрапранікненнем прыватнага і агульнага, матэрыяльнага і ідэальнага, прасторавага і часовага*» [3, с.3].

Поэтическая образность большей части стихотворений Свояка, подобно лирике Соловьева, базируется на метафизике природных явлений: лирический герой ощущает приоритет духовного измерения над эмпирической реальностью, прозревает одухотворенность материи («*кульс жывога ўсесвету, творчы шопат чую*» [5, с.71] – для

сравнения у Соловьева: «*услышал трепет жизни мировой*» [8, с.22]). В программном стихотворении Свояка «*Душа мая*», преодолевая «земное притяжение», дух поэта в порыве творческого вдохновения «*арлом сьвета відам*» устремляется в трансцендентное – в небесную высь. В объятых Божественного мира, онтологически непреложного, абсолютно прекрасного («*сьвет чароўны-цудоўны мяне ўзяў у абоймы*» [5, с.71]), дух ощущает спокойствие и счастье, утоляет извечную тоску по идеалу и в абсолютной полноте бытия черпает творческое вдохновение («*твораў дзіўных усюды віжу цэлы плоймы / і чую над сабою ўсебыту навалу*» [5, с.71]). Мир идей воспринимается Свояком реальнее, нежели земная действительность, но запредельная красота описывается, как и у Соловьева, через просветленную природную образность – звездное небо (сто солнц, светлая прозрачность, лучи света), облака, море с чудесной водой, горы (скалы – белые здания), а трансцендентное путешествие души символизируется в образах мотылька, купающегося в звездных лучах, в морской воде, и орла, устремленного в небо.

Красота в природе осознается Свояком-поэтом в соловьевском романтично-мистическом духе как проявление Божественного начала, как действие небесных сил на земле, а сама природа воспринимается как живое одухотворенное существо, через общение с которым можно бесконечно постигать Бога-Творца: «*Неўзабаве адначну на лоне маці-прыроды. Раджу пайсці на асобнасць кожнаму і гутарыць з ёю – скажа многа. З прыродай гаварыць трэба, з былінкай травіцы, з горкам, з сырборам...*» [4, с.11]. Та же философская мысль о теокосмическом творческом потенциале Божественного Духа, разлитом в земных проявлениях, высказывается и поэтическим языком образов: «*А толькі Дух Божы, / І дзельны і гошы, / Тварыў без пачатку тайніцы, / Жытко красавала, / Пах зёлка давала, / Вадзіца бурліла ў крыніцы*» [5, с.108].

Подобно Соловьеву воспринимает Свояк и учение о Богочеловечестве, признавая великие потенциальные задатки каждого, кто воспримет и максимально реализует в себе образ первого Богочеловека – Христа: «*Калі прызнаюся, што я нішто прад Богам, калі затону ў віры сваей нізкасці, калі зразумею, што добрыя мае чыны – гэта чыны Божыя, бо з Яго ласкі, – калі воля мая будзе адналітнай з воляй Божай, тады будзе гэна лучнасць, тады буду падобны да Бога-Чалавека Хрыстуса*» [4, с.9]. Подобные философские размышления находим и в воспоминаниях Соловьева: «*...когда человек принужден сказать: я ничто, – он этим самым говорит: Бог есть все*» [7, с.74].

Опосредованно, не столь открыто и многообразно, как в поэзии Соловьева, но нашло свое выражение в творчестве Свояка и Вечно-Женственное начало бытия. Близкой этому возвышенно женственному

идеалу оказывается героиня стихотворения «Песня девушки», которая остается невидимой, словно бесплотно-бестелесное существо, словно чудесная музыка, которую слышит поэт. В своем печально-прекрасном пении она сливается с природой, входит в резонанс с мировой жизнью, становится голосом и душой мира: *«А песня дзяўчаці так сумна-галосна, / Што бор на жальбу ўжо няраз задрыжэў, / Канюх страпянуўся, заплакала сосна, / Пугач гдзесь захлопаў і ўдаль паляцеў»* [5, с.53].

В более абстрактном образе Музы поэта тоже проступают черты «бедной девушки с чистым лицом, чутким сердцем», но в ее облике сливаются еще и красоты природы, подобно соловьевской Софии, Душе Мира. Вдохновительница Свояка, небесная покровительница поэта, сопровождающая его на протяжении всей жизни, описывается как надприродное сверхсущество – *«з імглы саткана раннай, / з сьвятла зоркаў ясных, / з шуму дрэў сваяцкай пушчы, / з агнішч непагаслых»* [5, с.47].

Но наиболее загадочным и мистическим остается женственный образ из стихотворения «Як мрэц...»: конкретно неназванное даже самим поэтом, пришедшее тихой звездной ночью в «световой мгле», видение одновременно сравнивается с музой, с лучом солнца, с неувядающим цветком, с Божиим огнем. Столь богатая и сложная символика, воссоздание космически масштабных, запредельных прозрений (*«стайш ты ў вачах маіх зоранькай яснай, / пылаючы зор твой лаўлю»* [5, с.58]), стремление «материализовать» свет иных миров и высветлить метафизическую основу земного бытия во многом сближают это и предыдущие стихотворения белорусского поэта Казимира Свояка с софийной лирикой Соловьева.

Свет соловьевской философии и поэзии несет в себе и творчество Владимира Жилки (1900 – 1933), поэта тонкой возвышенной натуры, стремившегося в противоречивый советский период созидать свой прекрасный духовный мир (*«заставацца ў самотным ціхім храме Хараства»* [1, с.19]). Человек глубоко образованный и начитанный в области поэзии и философии, поклонник и особый почитатель Шелли и Блока, Жилка, безусловно, был знаком и с творчеством Соловьева, что не могло не отразиться в стихотворениях белорусского поэта. Быть может, у Жилки соловьевское влияние прослеживается не всегда столь очевидно, нежели в случае с Казимиром Свояком, – порой оно опосредованное, воспринятое в большей степени через лирику Блока, – однако частое использование природной символика, мистицизм поэзии Жилки, ее философичность и софийность в некоторых моментах явно перекликаются с творчеством Соловьева.

Жилка – неустанный певец прекрасного в мире, отсюда и столь обильная природная образность – многочисленные чарующие явления реальности, которые нередко становятся символическим воплощением внутренней духовной жизни поэта, прозревающего за покровом действительности близость иных запредельных миров. В стихотворении «Пралескі» (1921) хрупкие *синие первоцветы*, рожденные землей от поцелуев солнца (т. е. в процессе метафизического проникновения животворящего света в материю), становятся символом влекущей душу лирического героя трансцендентности: «*але ўжо мкне душа мая / у сіню даль, за пралескі*» [1, с.33] (ср. у Соловьева в стихотворении «Белые колокольчики» цветочное «*белое море в лесу*» [8, с.79] тоже становится воплощением метафизики души, напоминанием о вечном райском цветении Божественных миров). Даже суровая северная природа восхищенно воспринимается поэтом как символ духовного роста человека: «*Там, дзе ў горах снежных, стромных / Толькі песні завірух, / Дзе шляхі адно свядомых, / Там мацнее мужны дух*» [1, с.57]. Примечательно, что у Соловьева, влюбленного в финскую природу, находим ту же поэтическую мысль, близкую даже по формулировке, – в условиях аскезы, «*с природой в вечном споре / человека дух растет*» [8, с.36].

В программном стихотворении Жилки «Хараство» (1923) поэт выражает свое понимание прекрасного, очень близкое соловьевской концепции красоты как идеи, воплощенной в материи. По-своему осмысляет белорусский поэт и формулу триединства Красоты, Добра, Истины: у Жилки всемирную гармонию составляют соответственно «хараство – дасканаласць – сэнс». «*І верым мы, што злучны дух і маса, / Гармонія у жыцці і сэнс-акраса; / Прытулак есць, дзе адпачыць ільга, // Дзе дасканаласці чаруе ўсмешка*» [1, с.57].

Жилка, вдохновенно наблюдавший за многообразием природы, вникал в тайны бытия и постигал всеединую основу мира, находя во всем существующем выражение высшего Разума – «*Мудрасць у гэтых праявах, у гэтым суладдзі адвечным*» [1, с.80]. Подобно Соловьеву, белорусский поэт видел не только внешнюю красоту явлений, но и их метафизический смысл, ощущая под «*каберцам*» (ковром, покровом) материи пульс инобытия: «*Другога свету б'ецца сэрца / і тайна бытавання там*» [1, с.121] (у Соловьева в стихотворении «Земля-владычица! К тебе чело склонил я...» встречается близкая образность: за «*благоуханным покровом*» природы поэт чувствует «*родного сердца пламень*» [8, с.22]).

Более того, иногда эта «тайна бытия» приобретает в произведениях Жилки явные софийные черты. Наиболее показательны в

этом плане стихотворения цикла «Вершы спадзявання» (1924–1925), сквозным образом которых является прекрасное Вечно-Женственное существо, окруженное ореолом мистической символики. Ее красота воссоздается через яркую природную образность: «*бязбурны дзень – вачэй затокі, / яны празрысты і глыбокі*», «*мрамур светлага чала пад пасмамі завеі*», «*рук лілеі*», «*росных траваў пах*» [1, с.83]. Тайственная Богиня то сливается с явлениями природы, то выкристаллизовывается из них, одухотворяя своим присутствием все вокруг, зачаровывая душу лирического героя: «*О, соладка ля ног тваіх, / У плашч чароўнасці адзеты, / Схіляюцца красою кветы. / І вецер северны заціх*» [1, с.83].

Подчеркивая трансцендентную природу таинственной Девы, поэт сравнивает ее со звездой, отмечает, что Ее сияние словно разлито в красоте окружающего мира, и одновременно Она возвышается над несовершенным бытием («*ты нада мною вееш згадкай / мая ж няроўная хада*» [1, с.84]). Обилие небесно-световой символики («*...ты з усмешкай яснай*» [1, с.85], «*ты, светлая, прыйшла ў сваей апратцы снежна-чыстай*» [1, с.86], «*ты ззяеш яснасцю і светам, твае няўхільна хараство*» [1, с.87] и использование религиозно-христианской молитвенной стилистики («*ты ўся звiніш напевам псалмы*» [1, с.83], «*а мне маліць – мая Марыя, прымі малітвы маладыя*» [1, с.83], «*мая радасць і дзень уваскросання*» [1, с.87], «*ў маім маленні адзіная ты*» [1, с.87]) – эти приемы на уровне поэтики подчеркивают Божественную природу мистической Девы и еще более сближают прекрасную героиню Жилки с Софией Соловьева.

А в стихотворении «Да Зосі» поэт противопоставляет «*теплой Зосе*», олицетворяющей земную жизнь (Зося – вариант имени Зоя, в переводе с греческого – «жизнь»), неиссякаемые источники Софии, мудрости и глубины небесного бытия, которому отдает явное предпочтение: «*Так мудры ў смазе па адвечным (і глыбокім) спяшаецца ад вернай цеплай Зосі / Прытасці да крыніц няўзрушаных і ясных Зофіі*» [1, с.128].

Поэзия Владимира Жилки с его философским восприятием прекрасного, использованием обильной природной символики, нередко в контексте таинственных софийно-мистических настроений, в некоторых моментах довольно очевидно перекликается с ключевыми идеями Соловьева.

В современной русскоязычной белорусской поэзии тоже можно найти немало перекличек с метафизической поэзией Соловьева. К возвышенному образу Вечной Женственности обращаются лирики-романтики на рубеже XX – XXI вв. «*Я в стихах своих несу / Любовь к богине светозарной!*» [6, с.76], – восклицает Андрей Скоринкин,

нередко прозревающий в гармонии и красоте окружающего мира «Господа прекрасные черты» [6, с.73]. В стихотворении «Вечная Женственность» Вадим Марков воспел свой великий идеал – «Чертога Пламенного Дщерь», а в стихотворении «Единая суть» он перефразировал соловьевскую поэтическую формулу «все в Одном»: «Как контуры зданья, / Все – разные формы, но зиждет все их / Извечно единое их Основанье» [2, с.38]. Ту же концепцию Всеединства воплотил в одной из своих лирических миниатюр и Александр Чубаров: «...И я – во всем, / И все – во мне, / Границы нет меж мною и не мною, / Когда душа внимает в тишине / Великому и вечному покою» [10, с.67]. А поэтесса Любовь Турбина в стихотворении «Поездка в Узкое» характеризует учение Соловьева как константу Добра в раздираемом враждой современном мире, где «нет спасенья от прогресса», но прогресс вовсе не означает духовную эволюцию: «Дай Бог – и станет слышно слово / О вечном, женственном, нетленном, / Напомнит призрак Соловьева» [9, с.135].

В целом, творчество белорусских поэтов начала XX века и рубежа XX – XXI вв. обогащается новыми смыслами при исследовании их лирики в свете соловьевского влияния.

Литература

1. Жылка Ул. Выбраныя творы. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1998. – 358 с.
2. Марков В. Голосом сердца. – Минск: Технопринт, 2003. – 89 с.
3. Мікуліч М.У. Паэзія Казіміра Сваяка. – Мінск: Бел. кнігазбор, 2005. – 20 с.
4. Сваяк К. Дзея маеі мыслі, сэрца і волі. – Мінск: МНВП «Стенер», 1992. – 44 с.
5. Сваяк К. Мая ліра. Вершы. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 117 с.
6. Скоринкин А.В. Красная книга: стихи. – Мінск: Маст. літ, 2006. – 79 с.
7. Соловьев В.С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева: В 4 т. / под ред. Э.Л. Радлова. – СПб.: [Б. изд.], 1911. – Т. 3. – С. 73–94
8. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы// Собр. соч.: в 12 т. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1970. – Т. 12. – С. 1–235.
9. Турбина Л.Н. Ускользящее чудо: стихи. – Минск, 2002. – 152 с.
10. Чубаров А. Долгота дня. – М.: [Б. изд.], 1992. – 84 с.

Алексяевіч Г. В. (Мінск)

ЛІРЫЧНЫ ГЕРОЙ БЕЛАРУСКАЙ І СЛАВАЦКАЙ ПАЭЗІІ КАНЦА XX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ

Змены, якія адбываюцца ў паэзіі памежжа XX–XXI стагоддзяў, не толькі вызначаюць вектар яе далейшага развіцця, уплываюць на фарміраванне яе будучага аблічча, але актуалізуюць пытанне аб сутнасці паэзіі як такой, яе асноўных катэгорыях.